

По Монголии до границъ Тибета.

ГЛАВА VI¹⁾.

Въ бассейнѣ Ян-цзы-цзяна.

Бивакъ на берегу озера Русскаго.—Усиленіе почныхъ карауловъ.—Сильная гроза на озерѣ.—Дальнѣйшій путь.—Охота на дикаго яка.—Тибетцы «Намцо» съ начальникомъ Намцо-Шурзакъ.—Ихъ восторгъ отъ нашей стрѣльбы.—Тибетская джигитовка.—Переправа черезъ Ян-цзы-цзянь.—Женско-мужской монастырь.—Горы Дютрейль-де-Ренса.—Стоянка въ Чжэрку.

... Вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній н'голокскій эшелонъ прошелъ мимо нашего лагеря, долина озера Оринъ-нора опустѣла, временное оживленіе ея кочевниками смѣнилось обычной тишиной, царящей надъ многими частями Тибета. Нашъ маленькій и одинокій бивакъ среди обширнаго тибетскаго нагорья представлялся чѣмъ то сказочнымъ.

Какъ сейчасъ помню нашу стоянку на берегу этого высоконагорнаго озера, темноголубая или зеленоватая поверхность котораго красиво изрѣзана обрывистыми мысами и заключенными между ними заливами; живо представляю себѣ также высокія, украшенныя барашками, волны Оринъ-нора съ монотоннымъ гу-

¹⁾ См. «Воен. Сб.» 1912 г., № 2.

ломъ разбивающіяся о берега, или, порою, совершенно зеркальную гладь его водъ, отражавшую прибрежныя высоты и кучевыя облачка, тихо пронесившіяся надъ озеромъ. Дождется ли когданибудь этотъ бассейнъ отраженія на своей поверхности разросшейся по его берегамъ культуры?.. Или оно будетъ и впредь также дѣвственно, какъ въ прошломъ и настоящемъ, и человѣкъ будетъ бывать здѣсь лишь въ качествѣ временнаго или случайнаго посѣтителя, зорко оберегающаго свою безопасность.

Пришлось усилить ночныя дежурства, имѣть на рукахъ каждому участнику экспедиціи полный комплектъ патроновъ—сто штукъ—и спать не раздѣваясь, чуть ни съ ружьемъ въ объятяхъ. При пастьбѣ скота постоянно находилось двое вооруженныхъ казаковъ или гренадеръ и монголы, острое зрѣніе которыхъ лучше всякаго бинокля открывало по вершинамъ восточныхъ прибрежныхъ холмовъ н'голокскіе разтѣзды, ежедневно сторожившіе насъ.

Тѣмъ не менѣе съ извѣстной осмотрительностью мы экскурсировали по окрестностямъ, стрѣляли звѣрей и птицъ, а на бивакѣ свободные отъ очередныхъ службъ люди занимались ловлей рыбы на удочку. Рыбы въ рѣкѣ и въ озерѣ много; кромѣ орлановъ, скопъ, баклановъ, крахалей и чаекъ ее здѣсь никто и никогда не ловить, а потому наши любители-рыболовы постоянно вознаграждались успѣхомъ. Счастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи бывалъ г. Ладыгинъ, который въ полчаса или часъ времени излавливалъ около десятка маринокъ, вѣсомъ каждая отъ трехъ до пяти и болѣе фунтовъ. Въ дивно прозрачной водѣ я часто видѣлъ рыбъ; чудны онѣ въ своей родной стихіи. Подобное наблюденіе мнѣ лично доставляло большее удовольствіе, нежели самая ловля.

Ночью, двадцать шестого іюня, разразилась сильнѣйшая гроза при сѣверо-западномъ штормѣ; рѣзкіе и глухіе раскаты грома страшно потрясали воздухъ; ночной мракъ фантастически прорѣзывался блескомъ змѣеобразныхъ молній, часто освѣщавшихъ обширную поверхность озера. Высокія, пѣнистыя волны набѣгали одна за другой, гулко ударяясь о берегъ. Подобное состояніе, продолжавшееся доразсвѣта, сопровождалось, кромѣ того, снѣгомъ, покрывшимъ окрестныя горы ниже ихъ подошвы. Съ восходомъ же солнца все успокоилось, за исключеніемъ величественнаго озера, продолжавшаго бушевать.

Продолжая двигаться по безлюдному тибетскому нагорью, мы почти ежедневно наблюдали стада дикихъ яковъ, хулановъ, антилопъ и другихъ млекопитающихъ. До прихода въ долину Джагынъ-

гола мы однако любовались на дикихъ яковъ съ значительнаго разстоянія и спеціальной охоты за ними не предпринимали, а между тѣмъ всѣхъ насъ очень занималъ вопросъ, насколько сильно или велико разрушительное дѣйствіе пули новаго трехлинейнаго ружья-винтовки именно по самому крупному изъ звѣрей Тибета—дикому яку. Долина Джагынъ-гола, гдѣ мы всего больше нуждались въ продовольствіи и гдѣ, на наше счастье, больше другихъ мѣстъ наблюдалось дикихъ яковъ, представила возможность чуть не каждому участнику экспедиціи, если не убить, то во всякомъ случаѣ поохотиться за «буху-гурѣсу», какъ монголы называютъ дикаго яка.

Вскорѣ по вступленіи въ долину Джагынъ-гола, въ одно раннее утро, когда экспедиція двигалась у подножія высокихъ холмовъ, ниспадавшихъ многочисленными выступами или гривами, я, ѣдучи, какъ всегда, впереди, обнаружилъ на скатѣ такого выступа небольшую группу дикихъ яковъ. Зачуявъ насъ, звѣри насторожились и стали потихоньку удаляться, за исключеніемъ одного стараго быка, который круто повернулъ въ нашу сторону и, сдѣлавъ нѣсколько напряженныхъ шаговъ, въ нерѣшительности остановился; въ быкѣ не замедлило обнаружиться крайнее раздраженіе, проявляемое боевой позой головы и поднятымъ вверхъ мохнатымъ хвостомъ, которымъ звѣрь помахивалъ словно султаномъ.

Отдѣлившись отъ лошадей въ сторону, я опустился на колѣно и открылъ пальбу по могучему животному. Четвертый выстрѣлъ свалилъ быка, покотившагося было по откосу, но удержавшагося на разрыхленномъ выступѣ или карнизѣ; якъ приподнялся на переднія ноги, заднія же бездѣйствовали, такъ какъ позвоночный столбъ былъ перешибленъ. Огромное животное было безпомощно, но вмѣстѣ съ тѣмъ озлоблено до крайней степени: глаза налились кровью, переднія ноги инстинктивно переступали, голова энергично двигалась—казалось звѣрь тотчасъ бросится и раздавитъ своею большою тушею, но это только казалось; на самомъ дѣлѣ якъ былъ пораженъ смертельно и, чтобы прекратить его страданія, пришлось выпустить въ упоръ по сильному звѣрю еще три пули, прежде нежели дикій якъ окончательно свалился и сталъ бездыханнымъ трупомъ.

Результатъ стрѣльбы русскаго трехлинейнаго ружья по звѣрямъ большой: пуля дробить кости и рветъ мускулы и тѣмъ съ большимъ осложненіемъ, чѣмъ глубже проникаетъ, въ особенности же, когда еще срывается оболочка.

Во время нашего пребыванія въ долинѣ Джагынъ-гола и днемъ и ночью шли дожди, изрѣдка лишь перестававшіе въ утренніе часы, когда намъ удавалось продвинуться караваномъ верстъ на пятнадцать, чаще же и того меньше. По ночамъ или къ утру температура опускалась ниже нуля до—3,8° и земная поверхность блестяла отъ инея.

Замѣчательно, что растенія въ борьбѣ за существованіе приспособились переносить безъ особеннаго вреда нѣкоторую крайность климата: днемъ, при повышеніи температуры, они развиваются, ночью же или вообще въ холодное время словно засыпаютъ; трудно вѣрится, что въ одинъ и тотъ же іюньскій день въ одномъ и томъ же мѣстѣ долины въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ путешественникъ можетъ наблюдать—утромъ зимній пейзажъ, а въ полдень или немного позже картину настоящаго лѣта.

Въ періодъ дождя, правильнѣе было бы назвать—дождя и снѣга, вьючныя принадлежности, палатки, войлоки и многое другое пропитывалось влагой насквозь, почва разминалась въ невылазную грязь, обувь быстро изнашивалась. Особенно тяжела была въ это время служба конвоя экспедиціи, по преимуществу отбывавшихъ очереди пастуховъ, поваровъ и ночныхъ дежурныхъ. Пуще всего донимала послѣднихъ варка утренняго чая; чтобы вскипятить воду въ котлѣ или чайникѣ на сыромъ аргалѣ (топливѣ), требовалось усиліе обоихъ очередей дежурныхъ: перво-очередной успѣвалъ лишь высушить топливо, второй, также не разставаясь ни на минуту съ раздувальнымъ мѣхомъ, разжигалъ огонь.

Оружіе сильно ржавѣло и требовало внимательнаго ухода.

Одинъ изъ верхнихъ правыхъ притоковъ Джагынъ-гола вывелъ насъ на мягкій, луговой переваль Чжабу-врунъ, поднятый надъ моремъ на 15.200 футовъ; это былъ хребетъ водораздѣла Желтой и Голубой рѣкъ. Отсюда къ сѣверу и западу убѣгаетъ гигантскими волнами нагорье Тибета, къ югу же представляется полный контрастъ рельефа: въ эту сторону открывались глубокія ущелья и, красиво выдѣляясь на голубомъ фонѣ неба, гордо стояли остроконечныя вершины, принадлежація снѣговой группѣ горъ Гату-джу.

Вступивъ въ бассейнъ Голубой рѣки, мы были словно облаканы природой; прежнія климатическія невзгоды остались за переваломъ. Здѣсь же, съ каждымъ днемъ нашего движенія внизъ по ущелью, становилось теплѣе, суше и общій видъ мѣстности представлялъ болѣе пріятные для глазъ пейзажи. Гербарій и энтомологическая коллекція стали быстро пополняться, такъ какъ вездѣ

кругомъ пестрѣли ковры цвѣтовъ, надъ которыми порхали бабочки или бысто проносились съ цвѣтка на цвѣтокъ пчелы, осы, шмели и другія насѣкомыя, нарушавшія тишину жужжаніемъ.

Первые встрѣчные обитатели, ютившіеся по рѣчкѣ Хи-чю, были сѣверные тибетцы хошуна Намцо, заранѣе предувѣдомленные Сининомъ о нашемъ движеніи въ ихъ страну. Поэтому, какъ только узнали сыновья отсутствовавшего старика-начальника, что прибыла русская экспедиція, тотчасъ же оставили производимый ими смотръ боевой готовности своихъ подчиненныхъ и прискакали въ нашъ лагерь вмѣстѣ съ посланными Бадмажановымъ и Дадаемъ и полусотней своихъ вооруженныхъ съ ногъ до головы воиновъ.

Знакомство и хорошія отношенія съ обитателями Намцо'скаго хошуна у насъ завязались быстро; старшій сынъ начальника, замѣнявшій отца, очень извинялся, что, не зная, когда именно придутъ русскіе, не встрѣтилъ насъ еще на перевалѣ. Оба сына хошуннаго начальника, въ особенности старшій, оказались большими любителями выпить и съ радостью отвѣдали предложенныхъ имъ коньяку и водки. Позднимъ вечеромъ молодые чиновники уѣхали въ свой станъ, отстоявшій отъ нашего бивака въ пяти верстахъ ниже по ущелью, предварительно условившись съ нами встрѣтиться на-завтра, раннимъ утромъ, уже подлѣ своего жилья, гдѣ обѣщали приготовить намъ свободное мѣсто для бивака и открыть пастбища самого старшины.

Такъ дѣйствительно и случилось; вблизи стойбища начальника хошуна мы были встрѣчены его старшимъ сыномъ, выглядѣвшимъ не совсѣмъ хорошо, вслѣдствіе весело проведенной ночи, и тутъ же неподалеку расположились лагеремъ.

Въ тотъ же день, шестнадцатаго іюля, по установкѣ бивака, я съ А. Казнаковымъ, имѣя при себѣ Бадмажанова и Дадаю въ качествѣ переводчиковъ, отправился съ визитомъ въ домъ отсутствовавшего начальника, въ сопровожденіи его старшаго сына. Войдя въ обширную уютную палатку, раздѣленную на двѣ части, изъ которой въ одной принимались гости, а въ другой помѣщались женщины и домашній скарбъ, мы расположились въ первой, занявъ обычныя мѣста. Противъ насъ дымился огромный очагъ, съ уступами, на которыхъ стояло до восьми мѣдныхъ или чугунныхъ посуды, разныхъ величинъ; поварь и хозяйка дома усердно хлопотали подлѣ очага. Тутъ же, поодаль, ея молодая дочь и слуга въ огромныхъ кадкахъ сбивали масло.

Послѣ извѣстныхъ привѣтствій намъ былъ предложенъ чай и «джюма», то есть корешки гусиной лапчатки, а затѣмъ въ огромномъ количествѣ мясо барана, убитаго специально для насъ. Мнѣ и товарищу все время прислуживалъ будущій старшина или бэйху, а нашимъ переводчикамъ—его совѣтникъ; хозяйка съ дочерью не переставали разглядывать насъ до самаго ухода. Поблагодаривъ за угощеніе, что впрочемъ здѣсь не принято, мы собрались уходить и тогда молодой хозяинъ поднесъ мнѣ хадакъ и лисицу, обычный подарокъ почетнымъ гостямъ.

По возвращеніи нашемъ на бивакъ, къ намъ стали стекаться туземцы—мужчины, женщины и дѣти. Тибетцевъ привлекали наши европейскія вещи или предметы, въ особенности электромагнитная батарея, прославшаяся вскорѣ въ Тибетѣ за «чудодѣйственную». Немного позднѣе прибыли также и хозяйки дома хошуннаго начальника, причѣмъ дородная жена его подъ зонтомъ, а миловидная дочь, отъ излишняго тепла, вмѣсто шубы нарядилась въ шерстяной красный халатъ, не забывъ придать матовому загорѣвшему лицу искусственный румянецъ. Прочія молоденькія тибетки также принарядились, каждая по своему; всѣ онѣ держали себя непринужденно. Жена начальника часто улыбалась со всѣми дѣвушками и довольно прозрачно поощряла ихъ къ большому сближенію. Женщины и дѣвушки такъ смѣло заглядывали и вообще осаждали нашу палатку, что Казнакову не представилось труда снять съ нихъ нѣсколько фотографій. Говорятъ, что здѣсь нравы слабы и женщины держатъ себя весьма свободно, въ особенности по отношенію къ проѣзжимъ черезъ эти мѣста сининскимъ посольскимъ китайцамъ, которымъ родители сами приводятъ своихъ дочерей. Когда мои молодцы гренадеры или казаки подъ звуки гармоникъ плясали «русскую», туземцы приходили въ восторгъ и старались подражать нашимъ хохламъ; затѣмъ, мѣстныя красавицы, по желанію дородной жены начальника, начали пѣть пѣсни. Ихъ напѣвы и манеры пѣнія носятъ обще-азиатскій характеръ. Въ пѣсняхъ, исполненныхъ тибетками въ нашу честь, нельзя было не замѣтить намека столь же лестнаго, сколько и прозрачнаго на нашу щедрость.

Вечеромъ возвратился изъ поѣздки по хошуну и самъ начальникъ его Намцо-Пурзекъ-Намчже—семидесятисемилѣтній старикъ. Ровный, послѣдовательный въ разговорѣ и очень сдержанный Пурзекъ произвелъ на насъ хорошее впечатлѣніе. Онъ принесъ въ подарокъ также лисицу и хадакъ, извиняясь, подобно сыну, что не встрѣтилъ насъ на границѣ своего хошуна. Пурзекъ

пожелалъ видѣть наше новое ружьеи боевую стрѣльбу одновременно всѣмъ отрядомъ, что тотчасъ было показано на общее удивленіе и восторгъ старика и его многихъ подчиненныхъ. Передъ отходомъ домой, Пурзекъ получилъ отъ насъ въ подарокъ револьверъ. Бодрой походкой старикъ направился къ дому, прижимая подарокъ къ груди и съ блескомъ въ глазахъ замѣтивъ: «такой даръ я не промѣняю ни на что въ свѣтѣ!».

На слѣдующій день я со своими товарищами отправился навѣстить старика, чтобы имѣть лишній случай еще поразспросить его кое-о-чемъ. Опять повторилось прежнее угощеніе, за которымъ бэй-ху обѣщаль показать боевую выправку своихъ подчиненныхъ. Разговоръ на эту тему оживилъ старика: быстро засверкали его темные, умные глаза, старикъ выпрямился и заговорилъ энергичнѣе, вспоминая минувшіе лихіе походы и тотчасъ стали появляться на сцену ружье за ружьемъ, которыми гордился Пурзекъ.

Подъ вечеръ, наканунѣ нашего выступленія въ дальнѣйшій путь, состоялся обѣщанный смотръ. Къ назначенному времени изъ ближайшихъ палатокъ собрались на ровную береговую площадь долины всадники, расположившіеся противъ нашего лагеря. Отсюда, еще до отхода на смотръ, мы могли видѣть, какъ туземцы упражнялись въ предстоящей джигитовкѣ по дорогѣ къ выбранному мѣсту. Ихъ привычныя лошади то несли всадниковъ ровнымъ спокойнымъ галопомъ, описывая вольты, то скорымъ шагомъ, то, наконецъ, когда ѣздоки издавали свое характерное гиканье, пускались въ карьеръ. Подлѣ самого бивака пронесли старшій сынъ Пурзека, его гордость, помощникъ и двое двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, всѣ въ лучшихъ одеждахъ и на лучшихъ лошадяхъ. Старикъ-начальникъ, сидѣвшій все время въ нашемъ лагерѣ, наконецъ, предложилъ намъ отправиться вмѣстѣ къ смотровой площадкѣ, гдѣ собрались всѣ всадники-тибетцы, человекъ двадцать пять, и время отъ времени производили одиночные выстрѣлы, какъ бы выказывая свое нетерпѣніе. Черезъ десять минутъ мы были тамъ.

На лицахъ всадниковъ нельзя было не замѣтить нѣкоторой возбужденности; лошади ихъ были также неспокойны: то всхрапывали, то взвивались на дыбы, то, наконецъ, били копытами землю, тревожно оглядываясь по сторонамъ.

Вначалѣ намъ была показана примѣрная атака на неприятеля одиночками; выѣхавъ впередъ шаговъ на тридцать или сорокъ отъ линіи прочихъ тибетцевъ, мальчикъ-всадникъ, изображая врага, по сигналу «впередъ!» сразу скакалъ въ карьеръ, преслѣдуемый также

быстро однимъ изъ тибетцевъ, снимавшимъ на всемъ скаку свое фитильное неуклюжее ружье, довольно красивымъ приѣмомъ, и производившимъ выстрѣлъ. Проскакавъ шаговъ триста-четыреста, оба всадника повертывали лошадей въ нашу сторону и, держась прежняго порядка, мчались на оставленное мѣсто, сѣдою на этотъ разъ разницею, что теперь нападающій уже не стрѣлялъ, а увертывался въ свою очередь отъ непріятельскихъ пуль, прикрываясь тѣмъ или другимъ бокомъ лошади, въ зависимости отъ того, съ какой стороны грозила бѣлая опасность. Нѣкоторые тибетскіе воины, въ особенности будущій старшина, который и скакалъ въ первую очередь, джигитовали довольно ловко, касаясь шанкой земли.

Послѣдующіе выѣзды состояли въ томъ же. Чаше другихъ показывалъ свою ловкость сынъ Пурзека, надѣвавшій иногда по два ружья и успѣвавшій на прежней дистанціи выстрѣливать изъ обоихъ, не забывая продѣлывать предварительно разные приемы каждымъ ружьемъ отдѣльно. Всякая подобная скачка сопровождалась обычнымъ гиканьемъ, издаваемымъ тибетцами, стоявшими на мѣстѣ, и каждый разъ, въ особенности если выѣзжалъ сынъ Пурзека, старикъ своимъ голосомъ покрывалъ всѣ остальные. Потомъ одновременно поскакали восемь тибетцевъ, по четыре человека на прежнемъ интервалѣ; на этотъ разъ зрѣлище вышло полнѣе и интереснѣе, будучи сопровождаемо выстрѣлами въ передній и обратный путь, такъ какъ стрѣляли обѣ партіи.

Широкія одежды, длинные, рассыпанные по плечамъ волосы и ужасныя фізіономіи усиливали общее впечатлѣніе. Въ миниатюрѣ тибетскій военный смотръ живо напомнилъ мнѣ прежнія атаки н'голоковъ-разбойниковъ, дважды нападавшихъ на экспедицію покойнаго Пржевальскаго. Въ заключеніе была показана одиночная и залпами боевая стрѣльба тѣхъ же воиновъ; результатъ получился не важный, несмотря на то, что въ дѣло было пущено огромное и тяжеловѣсное ружье, требовавшее зарядъ въ три-четыре раза больше обыкновеннаго.

Съ самымъ лучшимъ впечатлѣніемъ мы вспоминали всегда Пурзека, который, при дружескомъ разставаніи съ нами, снабдилъ насъ письмами къ своимъ друзьямъ старшинамъ, проживавшимъ на нашей дальнѣйшей дорогѣ. Благодаря его же заботамъ, намъ была сильно облегчена переправа черезъ многоводный, быстрый Ян-цзы-цзянь и подъемъ на очень высокій перевалъ южной цѣпи горъ.

Въ мѣстѣ переправы экспедиціи черезъ Голубую рѣку нельзя не упомянуть объ одномъ небольшомъ и небогатомъ монастырѣ Согонь-гомба, который ютитъ въ своихъ стѣнахъ одновременно и монаховъ и монахинь, принадлежащихъ къ послѣдователямъ желтошапочниковъ. По отзыву туземцевъ монастырь славится хорошей репутациею вообще и въ частности по отношенію къ чистотѣ нравовъ. Настоятель этого монастыря уклонился отъ знакомства съ нами, тогда какъ его братія не одинъ разъ перебивала въ нашемъ лагерѣ.

Рѣка Ян-цзы-цзянъ или, какъ ее называютъ мѣстные тибетцы, Нды-чю, въ раіонѣ переправы имѣетъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ, согласно направленію горныхъ цѣпей, сдавливающихъ ее своими скалистыми подножіями. Ширина рѣки колеблется отъ пятидесяти до шестидесяти сажень, при глубинѣ ея мутныхъ водъ въ три-четыре сажени. Только осенью голубая окраска ея поверхности дѣйствительно оправдываетъ названіе, данное ей французами.

На всемъ верхнемъ теченіи Голубой рѣки тибетцы добываютъ золото, что не вяжется съ суевѣрнымъ представленіемъ народа, поддерживаемаго ламами въ слѣдующемъ возрѣніи: «если выкопать изъ земли самородокъ золота, то исчезнетъ все золото, находимое въ рѣчномъ пескѣ; самородки—это корни золотоноснаго растенія или само растеніе, золотой же песокъ—двѣты или сѣмена этого растенія».

На дальнѣйшемъ своемъ пути экспедиція познакомилась съ горами Ніэрчи, составляющими западную оконечность обособленной горной группы, которую я позволилъ себѣ назвать заслуженнымъ въ географической наукѣ именемъ извѣстнаго французскаго путешественника по Центральной Азіи Дютрейль-де-Ренса, погибшаго отъ необузданности тибетцевъ на восточной окраинѣ этихъ горъ.

Днемъ мимо нашего бивака, расположеннаго въ этомъ памятномъ ущельи горъ Дютрейль-де-Ренса, никто изъ туземцевъ не проѣзжалъ; ночью же мы были разбужены громкимъ топотомъ лошадей, которыхъ угоняли воры однохошунцы съ нашими проводниками. Послѣдніе ухитрились переговорить съ грабителями и на утро доложили намъ, что эта партія ихъ товарищей-богатырей, успѣшно совершивъ воровской набѣгъ на одинъ изъ отдаленныхъ хошуновъ, спѣшить пробраться домой не замѣченными. Мы всѣ удивлялись тому молодечеству, съ какимъ неслись воры-тибетцы,

несмотря на страшную темень, въ особенности въ глубокихъ каменныхъ ущельяхъ.

Вскорѣ затѣмъ экспедиція вступила на сѣверный берегъ озера Р'хомбо-мцо, гдѣ недалеко отъ стойбища мѣстнаго старшины ей отведенъ былъ районъ какъ для бивака, такъ и для пастьбы караванныхъ животныхъ. Старшина, подобно своимъ сосѣдямъ-подчиненнымъ, выглядѣлъ крайне грязнымъ и испуганнымъ. Дрожащими руками онъ поднесъ мнѣ хадакъ и лилицу, произнося привѣтствіе также дрожащимъ голосомъ. Причина испуга озерныхъ кочевниковъ таилась въ ихъ предположеніи, что прибыли наконецъ русскіе отмстить за смерть погибшаго товарища — Дютрейль-де-Ренса — убитаго тибетцами-однохошунцами.

Слѣдующими четырьмя небольшими переходами, держась юго-восточнаго направленія, экспедиція прибыла въ селеніе Чжэрку, спустившись вновь въ культурную зону—12,000 футовъ надъ моремъ. Здѣсь мы почувствовали вѣяніе очень теплаго и сравнительно сухого воздуха.

Разсчитывая прожить въ этомъ селеніи порядочное время, съ цѣлью обстоятельнаго выясненія дальнѣйшаго пути, а также имѣя въ виду свиданіе съ сининскими китайцами, мы устроились бивакомъ у самаго селенія, а караванныхъ животныхъ отправили въ сосѣднее урочище Дарин-до, замѣчательное своимъ періодическимъ водопадомъ. Въ этомъ урочищѣ, между прочимъ, на нашъ пастушескій лагерь, охраняемый шестью гренадерами и казаками, однажды, на утренней зарѣ, было произведено шайкой, въ 30 человекъ, тибетцевъ-воровъ нападеніе, выразившееся обычной у тибетцевъ атакой съ гиканьемъ. По счастью, грабители въ-время были замѣчены и успѣшно отражены огнемъ винтовокъ.

Чжэрку порядочное селеніе—около сотни глинобитныхъ домовъ, удобно расположенныхъ на южномъ скатѣ восточной оконечности горъ Дютрейль-де-Ренса. Со стороны долины оно окаймлено полями, засѣваемыми ячменемъ, который въ дни нашего пребыванія, съ 9-го по 20-е августа, окончательно созрѣлъ и его начали понемногу жать.

Съ восточной стороны Чжэрку, на вершинѣ крутой горы, замѣчательно красиво пріютился мѣстный богатый монастырь, Кегудо, съ пятью стами ламъ, послѣдователей старовѣрскаго ученія. Чжэркуйскій монастырь поддерживается девятью прилежащими хошунами и состоитъ въ непосредственномъ подчиненіи липу, одновременно вѣдающему и мѣстный хошунъ—Рада. Въ роли фак-

тических дѣятелей по управленію послѣднимъ, при гэгэнъ-бэй-ху состоятъ два ближайшихъ помощника, изъ которыхъ одинъ завѣдуетъ кочевымъ населеніемъ, другой же—осѣдлымъ. Оба они, по вечерамъ, втихомолку отъ народа, являлись въ нашъ лагерь, но въ разговорѣ всегда старались быть очень сдержанными; наша попытка разъяснить этимъ тибетцамъ разницу или отличіе англичанъ, владѣющихъ землею на югѣ, отъ русскихъ—живущихъ далеко на сѣверѣ, повидимому, ни къ чему не привела; кажется они, какъ и всѣ прочіе обитатели восточнаго Тибета, насъ отождествляли съ англичанами точно также, какъ многія монгольскія племена именуютъ англичанъ русскими, когда англичане случайно проѣзжаютъ гдѣ-либо въ предѣлахъ Монголіи, восточнаго Туркестана, Кукунора и Цайдама. Интересно, между прочимъ, то обстоятельство, что тибетцы не могли равнодушно встрѣтить на участниковъ экспедиціи блондиновъ съ свѣтлыми глазами и волосами, считая таковыхъ за несомнѣнныхъ англичанъ.

Благодаря положенію при большой Сы-чуанско-лхасской дорогѣ, Чжэрку постоянно оживлено проходящими караванами, купцы которыхъ имѣютъ здѣсь склады товаровъ, преимущественно чаевъ. Черезъ этотъ пунктъ ежегодно проходитъ товаровъ свыше нежели на сто тысячъ ланъ, причемъ изъ Сы-чуани въ Лхасу везутъ, кромѣ чая, составляющаго семьдесятъ процентовъ отпускной торговли Китая въ Тибетъ вообще, бязь, далимбу, шелкъ, красное сукно, сахаръ, юфть и фарфоръ; обратно же вывозятъ: шерсть, мѣха, мускусъ, оленье рога, курительныя свѣчи, статуетки, золото и немного другое. Почти ежедневно приходилось наблюдать въ долинѣ рѣчки новые биваки путниковъ, привлекавшихъ вниманіе мѣстнаго населенія; съ другой стороны, пріѣзжіе тибетцы посѣщали селеніе или монастырь; словомъ, народъ двигался постоянно въ ту или другую сторону, нерѣдко съ цѣлью лишь подѣлиться новостями; въ Тибетѣ, да и вообще въ Центральной Азіи, караваны играютъ роль газетъ.

Нашъ лагерь также осаждался досужими тибетцами, среди которыхъ однажды былъ замѣченъ и мѣстный музыкантъ, игравшій на однострунномъ инструментѣ. На мое предложеніе тибетскому музыканту продать его инструментъ онъ рѣшительно отказался, такъ какъ, по его словамъ, онъ не будетъ въ состояніи найти себѣ иного рода занятій, а слѣдовательно можетъ лишиться и источника пропитанія.

Изъ нашихъ палатокъ открывался видъ на южную горную цѣпь, которую въ юго-западномъ направленіи отъ Чжэрку часто пересѣкали бычачьи караваны, направлявшіеся въ Лхасу или обратно въ Сы-чуань. Это вдали; вблизи же разстилалась довольно широкая долина съ пріятною зеленью, прорѣзаемой серебристыми рукавами слившихся рѣчекъ. Тутъ паслись ослы, телята, козы, подлѣ которыхъ цѣлыми днями рѣзвились туземныя дѣтиски, раздѣленные на группы мальчиковъ и дѣвочекъ. Первые бѣгали въ запуски и возились съ ослими, пытаясь устроить жигитовку, но обыкновенно, ничего не добившись отъ упрямыхъ животныхъ, оставляли ихъ и набрасывались на козлятъ, которыхъ безцеремонно погружали нѣсколько разъ въ воду. Дѣвочки по большей части были только скромными зрительницами продѣлокъ мальчиковъ и предпочитали держаться вблизи матерей, полоскавшихъ бѣлье. Во все время пребыванія дѣтей на берегахъ рѣчки слышались ихъ беззаботные звонкіе голоса и смѣхъ.

Въ прозрачныхъ и очень стремительныхъ водахъ чжэркуской рѣчки мы нѣсколько разъ довольно успѣшно ловили неводомъ рыбу.

Въ день прихода въ Чжэрку мы получили изъ склада отъ Иванова извѣстіе, доставленное намъ курьерами китайскаго посольства. Въ наше отсутствіе изъ Цайдама, перваго іюля, на людей, пасшихъ экспедиціонный скотъ, было произведено разбойниками—тангутами нападеніе съ цѣлью грабежа. Къ счастью, несмотря на многочисленность разбойниковъ, двое моихъ юныхъ спутниковъ не растерялись, а молодцами отстрѣливались. Утромъ грабители отступили, мои же спутники выгнали животныхъ изъ горъ въ равнину, въ сосѣдство укрѣпленія, откуда наблюдатель Муравьевъ могъ обстоятельнѣе помочь малолѣткамъ словомъ и дѣломъ. Послѣ неудачи разбойники сочли за лучшее оставить русскихъ въ покоѣ. Впослѣдствіи цайдамскіе монголы передавали намъ, что тангуты не возобновляли попытокъ грабежа русскихъ животныхъ потому только, что въ перестрѣлкѣ съ казаками потеряли убитыми трехъ или даже четырехъ челоуѣкъ, но зато, озлобленные этимъ, они безпощадно громили монголовъ отдаленныхъ хошуновъ Цайдама.

На третій день пребыванія нашего въ Чжэрку пріѣхали китайскіе чиновники, сборщики дани—ма-гунь. Ихъ вѣздъ въ селеніе, несмотря на дождливую погоду, сопровождался нѣкоторой церемоніей: поставленные вдоль дороги и на кровляхъ домовъ

ламы трубили въ трубы и раковины, махали флагами; простой народъ глазѣлъ и здоровался съ знакомыми писцами, переводчиками и солдатами. Устроившись здѣсь на долгое время, китайскіе чиновники явились къ намъ съ визитомъ, но настолько рано, что мы еще были въ постели и волей-неволей китайцы вынуждены были ждать нѣсколько минутъ у входа въ палатку, что тибетцы объясняли себѣ превосходствомъ русскихъ надъ длинноносыми китайцами.

Черезъ день и мы навѣстили представителей посольства—чиновниковъ особыхъ порученій, съ которыми у насъ съ перваго же дня свиданія завязались отличныя отношенія. Оба чиновника-манчжуры старались оказать экспедиціи посильное содѣйствіе, но, къ сожалѣнію, по ихъ признанію, они здѣсь безсильны въ чемъ-либо, выходящемъ за рамки ихъ специальной миссіи. Единственно въ чемъ китайское посольство помогло намъ, это въ обмѣнѣ ихъ ямбоваго серебра, которымъ экспедиція располагала, на индійскія рупіи и въ предоставленіи возможности скорѣе разрѣшить вопросъ о приобрѣтеніи продовольствія и опытныхъ проводниковъ на дальнѣйшій путь, во владѣніе хана Нанчин-чжалбо.

Во время двѣнадцати-дневнаго пребыванія экспедиціи въ Чжэрку мы нѣсколько разъ были въ гостяхъ у китайцевъ; послѣдніе въ свою очередь также нерѣдко навѣщали насъ, постоянно жалуясь на предстоящую скуку и томительное выжиданіе времени отъѣзда въ Сининь. Въ высшей степени склонные къ семейной жизни китайцы обзаводятся и здѣсь, какъ вездѣ на окраинахъ, временными женами изъ мѣстныхъ тибетокъ, которыя иногда сопровождаютъ своихъ мужей на обратномъ ихъ пути въ Сининь, гдѣ обыкновенно обманутыя тибетки покидаются китайцами на произволъ судьбы. Вотъ почему, въ одномъ изъ кочевій тибетцевъ, по дорогѣ экспедиціи въ Чжэрку, мѣстные туземцы, принявъ насъ было за посольскихъ китайцевъ, спрашивали у насъ: «не ѣдутъ ли съ нами такія-то и такія-то ихъ женщины или дѣвушки, увезенныя такими-то китайцами въ предыдущій разъ, и если не ѣдутъ, то, не можемъ ли мы сказать имъ, какъ онѣ поживаютъ на чужбинѣ?» На глазахъ нѣкоторыхъ изъ любопытствовавшихъ тибетцевъ мы видѣли слезы...

Ни мы, ни китайцы, свѣдѣніи изъ своихъ странъ не получали, почему совершенно ничего не знали о китайско-европейской войнѣ, завязавшейся на Дальнемъ Востокѣ; иначе крайнѣ неумѣстны

были бы наши скромные объѣды съ провозглашеніемъ тостовъ, приличествующихъ представителямъ дружественныхъ державъ.

Тогда же въ Чжэрку я сдалъ китайцамъ для отправленія по назначенію небольшой пакетъ писемъ, въ одномъ изъ которыхъ вкратцѣ знакомилъ Географическое общество съ ходомъ дѣлъ экспедиціи за время ея пребыванія въ Камѣ. Судьба этого пакета мнѣ до сихъ поръ неизвѣстна.

П. Нозловъ.

